

венных монополий, как Олег Дерипаска. Эти два компонента, на самом деле, не являются взаимоисключающими. Для проведения успешной экономической реформы российскому правительству потребуются разукрупнение конгломератов, созданных такими людьми, как Дерипаска. Сейчас, когда речь идет о поддержании стабильности экономики и о недопущении краха основных отраслей промышленности и корпораций, пока не ясно, какую экономическую политику изберет российское правительство.

Пока что был проведен ряд операций по государственной финансовой поддержке крупного бизнеса. При иных обстоятельствах эти действия правительства были бы восприняты обществом очень неоднозначно (хотя неоднозначно они воспринимаются и в самом правительстве). Но если бы не было ситуации кризиса, то крайне недовольно было бы все российское общество, если учесть хотя бы то, какие огромные суммы уходят за границу для оплаты долгов крупного бизнеса международным кредиторам. И на данный момент времени правительство не спешит захватывать или дробить эти финансово-экономические конгломераты. Не было историй, аналогичных «случаям» с Ходорковским или Березовским. Да и вряд ли правительство России хочет идти еще на одно крупное столкновение с большим бизнесом. Все крупные бизнесмены России заключили с режимом «мирные соглашения», и политически они не противопоставляют себя ни Путину, ни Медведеву.

Но будущее развитие событий будет зависеть от того, что произойдет с мировой и с российской экономикой. **Правительство все же может прибегнуть к мере ренационализации или дробления корпораций**, если ситуация в экономике еще больше ухудшится и если придется привлекать огромные государственные средства для спасения в том числе, самого бизнеса. В этом случае повсеместно будут преобладать популистские рассуждения о том, почему эти компании необходимо ренационализировать, что они принадлежат всем россиянам, что, вообще-то, эти компании «изначально были украдены у государства в девяностых годах». Вот как только это произойдет, тогда значительно обострится уже и без этого начавшееся противостояние Фридмана и Дерипаски, члены правительства действительно разобьются на враждующие фракции, выступающие на стороне тех или иных сил. Но пока это лишь только прогнозы. ■

Специально для РЖ

ЭТО ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ СИЛЬНЫМ

ЛЕОН АРОН – директор российских исследовательских программ Американского института предпринимательства (AEI), автор многочисленных публикаций по современной российской политике, его последняя книга – «Russia's Revolution: Essays 1989–2006» (2007).

Специально для РЖ

Существуют две причины, по которым существующее правительство не может быть названо сильным.

Первая причина – «по определению». **Структура этого правительства такова, что в нем постоянно меняются линии разграничения ответственности и власти.** При первом взгляде на кабинет кажется, что Игорь Сечин, который отвечает за нефтяную промышленность, весьма заметно влияет на политику правительства. С точки зрения внешнего наблюдателя, следящего за информацией из открытых источников, также кажется очевидным, что внутри правительства можно выделить два крыла. Это некий вариант либеральной группы и группы, в большей степени ориентированной на жесткую государственную политику. Эти группы представлены Шуваловым и Сечиным – двумя первыми заместителями премьер-министра. Ясно видно из действий этого правительства, что оно время от времени (как и сам премьер-министр) следует советам либо одного, либо другого из названных лиц. Но внутри правительства ситуация чрезвычайно непрозрачна, трудно очертить степень этого влияния.

Представляется, что разграничение полномочий внутри этого правительства постоянно становится предметом переговоров применительно к каждому конкретному вопросу. Парадоксаль-

ным образом это отражает специфику российской политической системы, и не только политической, потому что договоренности «по понятиям» – это договоренности о каждом конкретном случае, по которому нет четко определенной конституционной основы.

Но существует и еще одна весомая причина, по которой нельзя существующее правительство назвать сильным. И она заключается в том, что после статьи президента Медведева «Россия, вперед!», которая является программным заявлением, складывается впечатление, что возникает фундаментальное расхождение в том, как премьер-министр и президент видят ситуацию, оценивают текущее состояние экономики и политики.

Похоже, что кабинету министров и самому премьер-министру следовало бы вернуться к строго ограниченными функциям, которые определены российской Конституцией. (Она однозначно наделяет верховной властью президента, тогда как премьер-министр, по существу, находится в полном распоряжении президента.) Невзирая на личности, этот шаг следует сделать. Ситуация в целом станет намного более предсказуемой, и это даст понять функционерам и правительственным чиновникам в России, что верховная власть России возвращается к конституционной форме правления. ■